

«Для актера путь к душе персонажа всегда лежит... через движение», — написал однажды Юрский. Имея в виду пластику, характерность тела, точность позы и жеста. Но все, сказанное метко, сказано о многом. Путь к душе через движение — эта формула верна и для образа жизни Юрского, неуслышанного, беспокойного. Его бесконечные актерские перемещения по стране и по миру ценны своей осмысленностью. Он привозит из поездок новое знание о себе и о нас. Рассказы Юрского — всегда «истории с географией», их драматургический жанр ближе к комедии (или трагедии!) характеров, нежели положений в пространстве.

— По моим подсчетам, за год, с октября по октябрь, я накрутил почти сто тысяч километров. Это лишь отражение всеобщей мобильности. Сегодня все едут. Видимо, ощущение, что за морем телушка — полушка, для нас непреходяще. Вместо друзей разговариваешь с автоответчиками — друзьями в отсутствии. Призрак счастья или настоящее счастье манят людей и не дают сидеть на месте. Непрерывное движение — определяющий факт нашей жизни. Факт, безусловно, радостный, но и заключающий в себе некоторую ненормальность. Человечество веками осуществляло переход к оседлости. И вдруг эту самую оседлость за считанные годы растеряли, оседлали... Граждан всего земного шара такое количество, что от них рябит в глазах... Мои поездки шли блоками: Тверь, Краснодар, Кишинев; затем — Ростов, Таганрог, Калининград; и, наконец, размах качелей достиг максимальной амплитуды: Прага, Лондон и «подлондонье», Вильнюс, Новосибирск, Франкфурт-на-Майне, Петербург и последнее место — Казань. Расстояния, выраженные даже не километрами, а разницей во времени, довольно внушительно: семь часовых поясов... Ну а теперь из перечисленного выбирайте, о чем будем говорить.

— Если можно, давайте сохраним эффект «качелей». Скажем, такой набор: глубокая российская провинция, ближнее зарубежье и «настоящая», рафинированная граница. И любопытно, кстати, будет ли контраст оценок еще и внутренним, свидетельствующим о неоднородности ваших впечатлений. Может быть, не везде хорошо, где нас нет, и не всегда плохо там, где мы есть!

— Да, безусловно. Совершенно страшное на первый взгляд впечатление на меня произвел Новосибирск. Правда, я помню этот город еще в те времена, когда в нем нельзя было достать ни водки, ни колбасы. Теперь эта проблема снята. Полно ларьков — водка круглые сутки. И все-таки страшно. У меня был день для самостоятельного брожения по городу. Я попытался отрешиться

от своих гастролерских привилегий и представить себя нормальным человеком, волей судьбы

Сергей Юрский: КОГДА ИЗ ИСКУССТВА УХОДИТ ДУША

Известия - 1994 - 3 ноября - 47

заброшенным в Новосибирск. Я понял, что меня ожидали бы отчаяние и гибель. Город зеленый, но зелень до нереальности запылена. Пыль стоит в воздухе столбом. Климат мучителен. Те же плюс двенадцать, что и в Москве, и в Лондоне, но по ощущению — ничего похожего. Там они означают мягкость, обещание тепла, здесь — озноб, память о прошлых холодах и предвещание будущих... Нужно было лечить ожоженную в Москве, на съемках, руку. Обошел аптеки — везде встретил сочувствие, добрые глаза и — никакой помощи. Но мне повезло, я гастролер, меня отвезли в ожоговый центр. И там, как всегда у нас, оказались талантливейшие люди. На столах рядом с медицинской литературой — художественная. Все та же читающая интеллигенция в России хранит и строит душу вопреки окружающему.

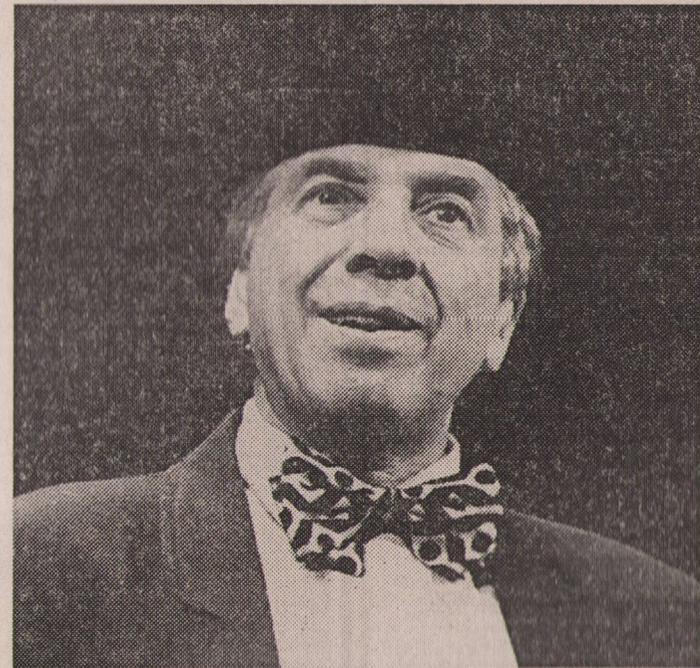
— Это рок интеллигенции — жить вопреки или, возможно, нечто иное!

— Возможна, наверное, меньшая острота противостояния. Попав в такие условия, невольно становишься объективным и ладнокровным. Уже хочется не гордиться преодолением трудностей, а по возможности их избегать... Мы возвращались из ожогового центра, панорама дороги была уже привычной: склады, пакгаузы, пыль... И вдруг на этом бесцветном фоне — несколько сияющих золотом куполов. Почему-то они показались мне бес-

тактными. Уж чересчур сверкали среди всеобщего потускнения, явно опережая события. Я всецело за возрождение православной церкви, но ей, по-моему, надо теснее сблизиться с паствой. А паства — это не только прихожане, но весь народ, в том числе и неверующие. Знаю, есть немало людей, которые мне возражат: все можно вынести и вытерпеть, лишь бы храмы сияли. Но мы это уже проходили — терпение «ради», во имя высших целей. Результаты известны. Не может

хилу Чехову. Чехова на Западе воспринимают прежде всего через его духовного учителя — Рудольфа Штайнера, философа мистического направления. Отношение к Штайнеру — самое полярное. Одни вовсе о нем не знают, другие считают весь мир иллюстрацией штайнеровского учения. В той части Англии, где мы были, весь край, театр, колледж — абсолютно штайнеровские. Атмосфера семинара была смесью истины, обмана, самообмана, святой работы... Бе-

других. Мощное сжатие на кризисном этапе зачастую выталкивает человека на его настоящее место. Хотя многим жизнь сказала: тебе не потянуть... В былом нашем бытие была великая утешительность бедности. Ехали за границу, везли в подарок какой-нибудь пустячок, а вместо бантика — отговорку: «Сами понимаете, у нас же ничего нет...» Теперь у нас кое-что есть, очень даже есть. И жизнь стала от этого труднее, ответственнее. Быть бедным — так же безответствен-

зусловное наше достижение заключалось в том, что на семинар смогло приехать двадцать человек русских. Я занимался там с интернациональной студенческой группой. Отличия между нами и ними — разительные. Наши студенты — профессиональные актеры. Их — вечные студенты. На Западе теперь стремятся максимально продлить ни к чему не обязывающий процесс ученичества, милоту взаимоотношений. Но уровень профессии быстро падает.

— К какому же стилю взаимоотношений нам следует стремиться? Переходить в их веру, обращать в свою, просто соблюдать формальную любовь?

— «Своими» друг для друга мы никогда не станем. Менее всего стоит объяснять и проповедовать там наши взгляды и цели. Существуют религии, склонные к миссионерской деятельности. Православие открыто, но оно не занимается миссионерством. Люди сами в него приходят. И в искусстве тоже надо быть просто доступными для присоединения.

— Когда-то несчастье нашей жизни составляла вынужденная неподвижность, теперь, похоже, вынужденное движение. На ваш взгляд, это все-таки меньшее зло?

— Ну почему однозначно — несчастье? Я знаю немало счастливых случаев. Это время помогло людям открыть в себе наличие одних способностей и отсутствие

и соблазнительно, как болеть. Болезнь — это роскошь, которую сегодня мало кто себе позволяет. Ты лежишь, а время идет и какие-то вещи уносит навсегда.

— От инфантильности мы шарахнулись в другую крайность: нас теперь ноги кормят, а соответственно — и локти, и челюсти. В людях пробудились, мягко говоря, ветхозаветные инстинкты. Каждый сам за себя. Но у русского человека никогда не было ветхозаветных идеалов. Не лишились ли мы заодно с инфантильностью самых ценных своих качеств?

— Менее всего я опасаясь потери оригинальности. Нельзя не замечать и приобретаемых положительных качеств. Раньше я сам иронизировал по поводу «новых русских»: какие там бендеры, типичные корейки!.. И вдруг появились другие — не бендеры и не корейки. Они отличаются спокойствием, присущим прежде только кагэбэшникам. Начисто лишены проблемы алкоголя, что тоже немаловажно. И вдобавок неожиданно заговорили на языках. От них не пахнет нарами, это действительно другие люди.

— И все-таки, согласитесь: в идеологизированном обществе искусство было в чести хотя бы как средство «агитации и пропаганды». Опять приходится выбирать из двух зол — формального уважения и повально-го равнодушия. В состоянии ли голый энтузиазм удержать уро-

вень нашего искусства, театрального в частности! На что надеетесь лично вы, Сергей Юрьевич!

— Надеюсь как раз на неистребимые особенности русского читателя, зрителя, жителя. Да, актеров успели приравнять к второразрядным официантам, а театр из храма сделать частью ресторана. Предлагаешь меню своих возможностей и исполняешь заказ, чаще всего — щекотание пятки. Эта ситуация реальна. Но она уже поколеблена нашими особенностями. Оптимистическая подкладка моих заявлений объясняется тем, что я совершил путешествие не с куплетами, а с серьезным спектаклем и нашел для него аудиторию. Все потихоньку возвращается на круги своя. В театры опять ходят. Поток искусства явственно распадается на два рукава. Первый — про то, как жить. Сюда относится практически все массовое искусство. Но течет и второй рукав — зачем жить. Я вижу, что желание это понять не иссякает.

— По аналогии с бестактным сверканием куполов, что думаете вы о такте в современном искусстве? Если золотить припрятанный трагизм жизни — прием дешевый и безвкусный, то чем вы, актер, можете облегчить существование своему зрителю?

— Я неоднократно говорил, что всякое слишком роскошное зрелище вызывает у меня вторичную реакцию. Буквально на фи-

зиологическом уровне. Во всем, бьющем в нос, я вижу черты умирания, разложения, декаданса. Свято верю в нашу школу актерской игры, остальное должно служить ей подножием. Не бывает постаментов из золота, это чушь. Возможно, я, сам того не заметив, перешел в разряд традиционалистов, но современное искусство вызывает у меня все большее раздражение. Мне кажется, из него уходит душа. Театр — искусство, составленное из живых людей. Все актеры — мои братья, потому что у нас общая душа. Иначе все обесмысливается. Долг актера, как и любого человека, можно сформулировать кратко — делай, что можешь. А можем мы — говорить про жизнь, про смерть, про смысл жизни.

— Как вам самому удается сохранять стойкий жизненный оптимизм?

— Я много думал над смыслом фразы «не суди, да не судим будешь». Есть ли это запрет иметь собственное мнение? Все-таки, наверное, подразумевается другое. Суди, но суди по высшей точке, а не по низшей. Я пытаюсь находить в нашей реальности эти высшие точки, видеть и принимать лучшее, не отмахиваться от него. Такого рода оптимизм доступен всем, это вопрос доброй воли.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.